

Священник Иоанн Никулин

СВЯТОЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР И КРЕЩЕНИЕ РУСИ В КОНЦЕПЦИИ «ВИЗАНТИЙСКОГО НАСЛЕДИЯ» (ПО СОЧИНЕНИЯМ СИБИРСКОГО МИТРОПОЛИТА ИГНАТИЯ [РИМСКОГО-КОРСАКОВА])

В статье на основании источников показывается изменение места и понимания роли святого князя Владимира и Крещения Руси в конце X в. в концепции «византийского наследия». В официальной идеологии Московского царства данная концепция приходит на смену господствовавшей ранее теории «Москва — Третий Рим» в середине XVII в. Отличие новой идеи состоит в том, что уже не упоминается ветхий Рим, греки сохраняют неповрежденную веру, а московские цари — наследники Византии, их задача воссоздать Ромейское царство и освободить всех православных христиан. Автор статьи приходит к выводу, что роль крестителя Руси очерчивается в зависимости от отношения к православному Востоку (прежде всего, к грекам). В рамках идеи «Москва — Третий Рим» факт принятия веры от греков ставится под сомнение, намеренно замалчивается, становится неудобным, акцент смещается на восприятие веры от апостола Андрея. В пришедшей на смену идее «Москва — Третий Рим» в середине XVII века концепции «византийского наследия» коренным образом меняется отношение к факту принятия веры от Византийской империи. Автор сравнивает отношение к факту принятия веры от греков старца Арсения Суханова и митрополита Сибирского Игнатия (Римского-Корсакова). Факт Крещения Руси не только признается, но и становится актом трансляции империи, актом постепенной передачи царской (императорской) власти, актом вхождения в политическую жизнь Византийской империи.

Ключевые слова: *«византийское наследие», Крещение Руси, князь Владимир, митрополит Игнатий (Римский-Корсаков).*

Идея преемственности Руси от Византии характерна, пожалуй, для всей истории Российского государства, начиная со святого князя Владимира, и

Святой князь Владимир и Крещение Руси в концепции «византийского наследия»...

она проявлялась в различных формах и идеях. Особое значение в осмыслении этой преемственности имела идея «Москва — Третий Рим», возникшая после падения Константинополя и остававшаяся официальной идеологией Московского государства в XVI — первой половине XVII вв.

Со времени патриаршества Никона в официальной идеологии Российского царства появляется новый комплекс идей, пришедший на смену концепции «Москва — Третий Рим», внешне похожий на последнюю, но имеющий существенные отличия. По справедливому утверждению Н. В. Сеницыной, «этот новый комплекс идей обосновывал возросшую роль России и ее столицы, русского православного царя в православном мире, утверждал значение не только «константинопольской вотчины» (в политическом аспекте), но и духовного наследия христианского Востока, значение христианских святынь, переносимых в Москву, сохранение чистоты греческого Православия»¹. Исследовательница предложила наименование данной концепции — «Константинопольское наследие». Более точное, на наш взгляд, наименование предложила Н. П. Чеснокова — «византийское наследие»², так как речь прежде всего идет о Российском царстве как наследнике Византийской империи. Отметим, что будущий митрополит Игнатий использует, хотя неактивно, термин «Византия» как синоним понятия «Ромейское царство». Так что, на наш взгляд, наименование «византийское наследие» хотя и принципиально не меняет терминологию, но полнее отражает ее суть.

Кроме уже упомянутых исследований, тема затронута в небольшой статье А. П. Богданова³, который, впрочем, не разграничивает концепций «Москва — III Рим» и «византийское наследие». В связи с изучением темы необходимо отметить также описание Н. Ф. Каптеревым влияния

¹ Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 307.

² Чеснокова Н. П. Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (по документам Российского государственного архива древних актов). М., 2011. С. 159–198; Она же. Святыня и политика: к идее византийского наследия в России сер. XVII в. // Средние века. 2008. Вып. 69 (4). С. 27–42.

³ Богданов А. П. Россия накануне империи: политические концепции и реальность последней четверти XVII в. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика: Мат-лы IX Междунар. семинара ист. исслед. «От Рима к Третьему Риму», Москва, 29–31 мая 1989 г. М., 1995. С. 333–352.

греков на развитие данной теории⁴. Хорошо изученными представляются вопросы взаимоотношений России с православным Востоком и принесение христианских святынь в Москву⁵. Некоторое внимание концепции «византийского наследия» уделено и нами⁶.

Принципиальное отличие от идеи «Москва — Третий Рим» концепции «византийское наследие» состоит в том, что в новой идее не упоминается об утрате греками истинной веры после событий XV в.: Константинополь остается духовной столицей мира, которую необходимо освободить вместе с остальной православной ойкуменой. Рим вообще не упоминается в данной концепции. В целом во второй половине XVII в. было предпринято немало попыток определить место Российского царства в мире и мировой истории. Это нашло отображение и в так называемой «издательской» деятельности Посольского приказа, когда при участии Николая Спафария составлялись такие труды, как «Титулярник», «Василиологион» и «Хрисмологион», и в трудах многих других писателей — современников владыки Игнатия.

Действуя в общем русле, преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков) оставил свой оригинальный след в осмыслении роли и места в мировой истории Московского царства. Еще будучи настоятелем Новоспасского монастыря в Москве, архимандрит Игнатий активно участвовал в церковно-политической и литературной жизни своего времени. Свое видение концепции он сформулировал прежде всего в «Слове во-

⁴ Кантерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. С. 248–281.

⁵ Христианские реликвии в Московском Кремле. Сб. ст. / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000; Фонкич Б. Л. Чудотворные иконы и реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. // Очерки феодальной России. М., 2001. Вып. 5. С. 70–97; Он же. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: Греческие рукописи в России. М., 1977; Яворская С. Л. Значение креста в иеротопическом замысле Нового Иерусалима: От Константина Великого до царя Алексея Михайловича // Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре: мат-лы междунар. симпозиума. М., 2006. С. 774–782; и др.

⁶ Никулин И. А. Концепция «константинопольского наследия» в трудах Сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова): основные моменты // Церковь. Богословие. История: мат-лы Всеросс. научн.-богосл. конф. (Екатеринбург, 12 февраля 2013 г.). Екатеринбург, 2014. С. 133–138; Никулин И. А., *свящ.* Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. С. 211–231.

Святой князь Владимир и Крещение Руси в концепции «византийского наследия»...

инству перед Крымским походом»⁷, «Сказании о Софии Премудрости Слова Божия»⁸ и «Слове о Российском царствии»⁹.

Одно из важных отличий теории «Москва — Третий Рим» от концепции «византийского наследия» состоит в отношении к грекам и, соответственно, к принятию от них крещения. Конечно, в сочинениях филофеева цикла нет речи о Крещении Руси, однако теория на протяжении XVI в. постепенно претерпевала изменения. Своеобразное выражение теории «Москва — Третий Рим» находим в дискуссии Арсения Суханова с греками в 1650 г. в Валахии. Арсений Суханов утверждал, что Русь приняла христианство от святого апостола Андрея (а не от греков). «Всуде вы хвалитесь тем, что мы от вас крещение приняли. Мы крещение приняли от апостола Андрея», — говорил грекам старец Арсений¹⁰. В своей историософии он связывал принятие веры с апостолом Андреем, а также с теми христианами, жителями Корсуни, которые были просвещены еще священномучеником Климентом, папой Римским. Именно от них принял православную веру святой князь Владимир, отсюда были взяты им митрополит и «весь священный чин»¹¹.

Идея об участии апостола Андрея в Крещении Руси в некоторой мере перекочевала и в концепцию «византийского наследия», изложенную митрополитом Игнатием. По нему, исток христианской цивилизации на Руси — это, конечно же, проповедь апостола Андрея Первозванного. Последний именуется у владыки Игнатия «крестным отцом» «всероссийских чад»¹².

⁷ «Слово благочестивому и христолюбивому воинству» // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / подг. текста, пред. и комм. А. П. Богданова. М., 1983. Ч. 1. С. 135–173.

⁸ «Свидетельство... о Российском благословенном царствии» // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / подг. текста, пред. и коммент. А. П. Богданова. М., 1983. Ч. 2. С. 233–241; Изъяснение иконы св. Софии Премудрости Божии, поднесенное государыне царевне Софии Алексеевне Игнатием, архимандритом Новоспасского монастыря // Брюсова В. Г. София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве. М., 2006. С. 157–159.

⁹ Никулин И. А. «Слово о Российском царствии» митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. № 2 (4). С. 185–214.

¹⁰ Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции... С. 308.

¹¹ Там же.

¹² «Слово благочестивому и христолюбивому воинству»... С. 139.

Однако, на наш взгляд, это лишь дань старой традиции, нигде преосвященный Игнатий не говорит о том, что Русь была крещена апостолом Андреем, а лишь как бы показывает, что им были заложены основы будущего крещения восточных славян. Это подтверждается оценкой митрополитом Игнатием событий конца X в.; в «Третьем» послании «на армен и полуармен» он пишет: «Внегда убо посетил ны есть Восток свыше, и озари светом просвещения Святыя единосущныя и нераздельныя Троицы, Отца, и Сына, и Святаго Духа, единаго Божества: и породися святым крещением вся Великороссийская Земля, в первом нашем благоверном и святом великом князе и царе Владимире, нареченном во святом крещении Василий: в лето 6496 (то есть 988 г. от Р. Х. — *свящ. И. Н.*)»¹³. Более того, в представлении владыки Игнатия христианская вера приходит при князе Владимире именно из Византии, именно из Константинополя. Факт восприятия веры от Восточной Римской империи становится в глазах Игнатия одним из важных этапов перенесения Византийского царства в Россию. В «Слове воинству перед Крымским походом» Игнатий пишет: «Царство Ромейское, еже есть греческое за многое время... по части приношашеся в Россию»¹⁴. И затем владыка Игнатий перечисляет два этапа «перенесения» царства. Первым таким актом перенесения как раз и является факт принятия веры из Византии. Преосвященный пишет: «Первое благочестие христианского жительства еже просветихомся святым крещением во днех равноапостольного князя Владимира»¹⁵. Интересно, что принятие Русью христианства из Византии подразумевает для владыки Игнатия и политическую оставляющую. Действительно, князь Владимир с принятием христианства воспринял отчасти и составляющие политической жизни — например, стал чеканить монету со своим изображением, которое явно напоминало схематическое изображение императоров на византийских монетах.

Подведем итоги. В рамках идеи «Москва — Третий Рим» факт принятия веры от греков ставится под сомнение, намеренно замалчивается, становится неудобным, а на первый план выносятся гипотеза восприятия веры от апостола Андрея. В пришедшей на смену идее «Москва — Третий Рим» в середине XVII века концепции «византийского наследия» коренным образом меняется отношение к факту принятия веры от Византийской империи. Факт Крещения Руси не только признается,

¹³ Послания блаженного Игнатия... С. 71.

¹⁴ «Слово благочестивому и христоробивому воинству»... С. 165.

¹⁵ Там же.

Святой князь Владимир и Крещение Руси в концепции «византийского наследия»...
но и становится актом трансляции империи, актом постепенного перенесения царской (императорской) власти, актом вхождения в политическую жизнь Византийской империи.

Златник Владимира, XI в.